

Как защитить архитектора и иконописца, если работа не понравилась настоятелю

18.02.20

Оксана Головки, Андрей Анисимов

Конфликт возник между мастерами и заказчиками работ по внутреннему убранству нового храма святителя Николая в Каменке (Санкт-Петербург). Работа близилась к завершению, и вдруг заказчик потребовал... убрать росписи, которые выполняет протодиакон Алексей Трунин. По словам мастеров, в процессе со стороны священника не было претензий, однако сейчас, под завершение, заказчику “не понравилась стилистика”, он предъявлял странные требования и не давал завершить работу. Но появился шанс, что ситуация разрешится благополучно.

Каким может быть сотрудничество заказчика и исполнителя, можно ли защитить художника от того, чтобы его росписи не закрашивали, а мозаики не сбивали, рассказывает архитектор Андрей Анисимов, который руководит творческим объединением «Товарищество реставраторов. Мастерские Андрея Анисимова». С самого начала его мастера выполняли работы по проектированию, строительству и внутреннему украшению храма в Петербурге.

— Андрей Альбертович, что вообще произошло? Заказчик разве не был ознакомлен с ходом работ и стилем автора?

— Сейчас по уже написанной композиции в этом храме шла борьба, не сосчитать сколько раз останавливались работы. Закончить и сдать нам просто не позволяли. Сначала требовали закрасить росписи, потом начали требовать подробные картоны, потом – детально подробные эскизы. Это очень странная идея для заключительного этапа работ, она показывала непонимание принципов и хода работы.

Выбор художника – это моя идея, я был в храмах, им оформленных, я знаю, каков эффект от его работ именно в контексте общей концепции храма. Мы же задумываем все храмовое пространство как единое целое, где продумывается каждая деталь – от кирпичных стен, росписи, мозаики, до светильников ручной работы из дутого стекла. Никакого фабричного потока, промышленности – все уникальное, именно для этого храма.

Разумеется, мы показали, где что будет располагаться, рассказали про иконографическую программу, показали то, что делал отец Алексей Трунин ранее, в том числе большую настенную композицию «Успение Божьей Матери» — примерно такую, какую планировалось написать и в этом храме.

Обычно же как чаще бывает — архитектор спроектировал, кто-то построил, потом пришли художники, потом где-то недорого закупили «типовой» иконостас, потом привезли типовую фабричную утварь. Вот, пожалуйста, служите.

Все красиво, все блестит, вкуса ноль, эстетики ноль, зато все замечательно, все довольны.

С этим почему-то никто не борется. Стереотип не страшит, пугает проявление индивидуальности.

Храмы ставятся повсеместно и сразу ставится задача — храм должен быть расписан, лучше ковриком — от плитуса до плитуса. Из-за этого расплодилось какое-то огромное количество «мастеров» в кавычках, без образования, без какого-либо понимания, что такое монументальная роспись, которые расписывают храмы “а-ля Рублев”, хотя к Рублеву это не имеет ни малейшего отношения. И это принимается на «ура», а вот то, что касается творческого поиска и в архитектуре в целом, и в концепции внутреннего убранства — проходит с огромным трудом.

Что касается храма, о котором мы говорим, то, с появлением нового настоятеля и работой Епархиального совета по архитектуре, дело начало сдвигаться с мертвой точки. Сейчас мы видим уже настоящий творческий диалог, в котором с нами участвуют священник, заказчик, Епархиальная комиссия, видим стремление довести работу до конца.

— Если смотреть не на конкретную ситуацию, а в целом: с одной стороны, заказчик платит и хочет получить то, что хочет. А с другой стороны, художник тоже должен иметь право голоса. Как здесь прийти к золотой середине?

— Я считаю, что заказчик — священник, митрополия, митрополит, архитекторы и художники должны работать в команде. Это идеальный вариант. Я люблю, когда мы встречаемся с заказчиком, он высказывает свои предложения, мы обсуждаем, может быть, спорим и как-то приходим к единому пониманию. Но в том храме, о котором мы говорили, в процессе работы я священника вообще не видел. Мы работали одни, самостоятельно, в работу вклинились в тот момент, когда она почти близка к завершению. Если в самом начале и дальше по ходу работы не было никаких обсуждений, пожеланий, что там хочется увидеть, мы и делали, как считаем нужным.

Но даже когда так странно возник диалог, мы к нему были готовы. Например, у епархиальной комиссии появилось предложение – сделать местный ряд иконостаса с иконами, написанными на доске, с золотым фоном. Мы готовы изменить первоначальную концепцию, причем на сметную стоимость для заказчика это никак не повлияет. У нас есть утвержденная цена и в эту цену мы готовы пойти на удорожание: золото, понятное дело, стоит не столько, сколько обычная краска. Мы за то, чтобы получить конечный результат. Конечного результата нам, повторяю, тогда сделать не давали.

Кстати, похожая ситуация, но ровно наоборот, была в другом храме под Петербургом. Настоятель выслушал, что мы планируем сделать, а потом в работу не вмешивался, лишь затем сказал, что ему все нравится.

Недалеко от этого находятся еще два храма. Один – гигантский пятикупольный, почти собор, расписанный как раз так, как любят – голубые фоны, много фигур от пола до купола. Почему не дать альтернативу, пусть у людей будет выбор – куда ходить.

— Насколько сам художник может быть защищен от ситуации, когда он сделал, а ему не заплатили. Или сделал, заплатили, а потом пришел новый настоятель, и все сбили или закрасили?

— Материально в нашей мастерской художник защищен – он получит то, что заработал, как бы ни повел себя заказчик. А вот морально – нет. Если даже сейчас мы все допишем, есть риск, что придет новый настоятель и все закрасит.

Поймут ли бабушки

— Раньше храмы строили на Руси так, чтобы они доминировали в окружающем пространстве, позднее – вписывались в общую стилистику. Но сегодня как можно вписать их в унылую стилистику спальных районов?

— Окружение храма, о котором сейчас идут споры – как раз такое: унылая жилая застройка, чистое зарабатывание денег – всунуть как можно больше квартир в огромные прямоугольные коробки. И тут возникает маленький храм, который оказывается главным на фоне безликой огромности.

По принципу контраста построен и храм преподобного Серафима Саровского на Краснопресненской набережной — некий противовес небоскрегам «Москва-Сити» — и он, на самом деле, здесь смысловая и визуальная доминанта, приковывает взгляд, хочется рассмотреть.

— Те, кто выступает против хоть новых идей в храмостроительстве и храмоукрашательстве, часто прибегают к аргументу, что прихожане не поймут — это весомо?

— Да-да, бабушки не поймут! Этот интересный аргумент мы слышим периодически. Но почему нужно прихожан нужно держать за дураков, которые ничего не понимают?

Когда мы разрабатывали проект и концепцию внутреннего убранства храма святого великомученика и целителя Пантелеймона, храма святого праведного Иоанна Кронштадского в Нижегородской области, сначала звучала мысль, что надо сделать традиционную роспись, “ковриком”, когда записываются все стены. Мы долго беседовали с заказчиком, объясняли, почему важно сделать именно так, как грамотно расставить акценты, что выделить. В итоге он сказал: «Делайте. Бабушки не поймут, но все равно делайте!» мы храм построили, продумали интерьер, где, кстати, все иконы иконостаса, кроме Царских врат, написаны на камне.

Работа окончена, мы приехали на освящение и после службы бабушки нас вычислили: «Вы создавали этот храм?» Мы робко согласились, ожидая, что сейчас нас будут ругать, почему так мало росписей, нет ни грамма золота и так далее. Но услышали только слова благодарности: «Спасибо большое, какая красота!». Это было нам уроком, что нельзя вот так думать про людей.

Второй момент: кому-то, действительно, что-то может не нравиться – это нормально.

Но, задача художника – идти вперед, работать над образом, а не обслуживать какие-то конкретно вкусы и бояться, что люди не поймут.

Я знаю — то, что мы делаем в Петербурге – будет событием для нашего церковного искусства: в определенной степени смелый прорыв.

И мы слышали положительные отзывы очень уважаемых мной людей: епископ Панкратий (архитектор по образованию), Ирина Языкова (искусствовед), архимандрит Зинон (иконописец), Людмила Шумская (историк искусств), Светлана Васютина-Ильинская (художник), Дмитрий Пшеничников (архитектор, зам. председателя Совета по церковной архитектуре Союза архитекторов России), Светлана Большакова (Академия им. Репина), о. Петр Коломейцев (архитектор-реставратор), Сергей Антонов (скульптор), Ирина Зарон (иконописец), Александр Солдатов (иконописец, профессор МДА), многие другие священники, иконописцы, архитекторы, публицисты, просто прихожане...

Есть и противники среди уважаемых мною людей, но их не так много... И они не столь радикальны, не призывают все уничтожать.

— Вы категорически не позиционируете Мастерские как проектную организацию. Почему, вы ведь и проекты разрабатываете?

— Я много лет борюсь за то, чтобы архитектор и художник, и вообще весь авторский коллектив существовал как единое целое. И мы достаточно жестко ведем себя в переговорах с заказчиками на тему того, что мы не проектная организация. Мы не делаем отдельно проект, отдаем его, а заказчик дальше развлекается, как хочет. У нас просто были такие случаи, когда наши проекты приобрели, а порой, мягко говоря не приобрели, а просто взяли, а потом так построили храм, что я и под пытками не признаюсь, что проект изначально мой: стыдно, что сделали в итоге. А потом еще в этот храм приводят не пойми каких художников, ставят не пойми какие иконостасы и утварь. Поэтому мы настаиваем на том, что мы делаем комплексное, цельное произведение искусства. От проектирования и строительства до благоустройства и утвари.

А как иначе, ведь должен получиться единый образ храма, и снаружи, и в интерьере. Казалось бы, у нас есть возможности, но удается сделать цельный образ, которым я был бы доволен, удается далеко не всегда как раз именно из-за того, что заказчики не воспринимают храм, как единое произведение.

Из тех, что получились — храм во имя святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии при Федеральном научно-клиническом центре детской гематологии, онкологии и иммунологии (ФНКЦ ДГОИ) имени Дмитрия Рогачева. Это была настоящая творческая работа авторского коллектива, совместно с попечителем, с настоятелем. Мы по несколько часов сидели вместе, совещались, обсуждали – настоящее творческое горение.

Как защитить архитектора и иконописца, если работа не понравилась настоятелю

Автор: Admin

18.02.2020 19:38 - Обновлено 18.02.2020 19:47

Или, например, храм Покрова Пресвятой Богородицы в Зеленогорске, Санкт-Петербург. Там получилось все, что мы хотели, и никто не вмешивался, не было никаких скандалов, ничего...

Причем, когда мы делаем интерьер храма, понимаем, что он должен жить своей жизнью, не быть чем-то окончательно застывшим. В некоторых оставляем какие-то плоскости, куда потом импровизированно будут ставиться подаренные иконы. Они очень оживляют храм, делают его домашним.

Как творить новое, если хотят “как у всех”

— Сегодня нередки ситуации, когда люди заказывают мозаику или роспись художнику с именем, он берет себе процент, а дальше отдает кому-то, тот поступает так же, в итоге работу за небольшие деньги делают люди без специального образования — качество соответствующее. То есть, условно говоря, человек заплатил за «Бентли», а на выходе получает «Запорожец».

— Да, ситуация нередкая. И тут важно понимать, кто стоит за человеком, который принимает заказ. Если заказывают нам, то, понятно, что заказывают сложившемуся творческому коллективу, с постоянно работающими мастерами, у нас есть определенные площади, определенные производства. То есть, на призыв “давайте построим храм”, мы не кидаемся искать исполнителя.

Мы внутри сложившегося коллектива, можем применить и новую для нас технологию. Например, у нас больше 20 лет существует белокаменная мастерская, и вот у нас возникла идея сделать храм, в котором весь фасадный декор будет вырезан в кирпичной кладке, из кирпича. Мы этого никогда не делали. Но, у нас же есть бригада белокаменщиков, есть художники, есть понимание, как это надо делать.

— В основном современная церковная архитектура – это все равно реплики традиционной, возможно ли обойтись без них, сделать что-то свое для XXI века?

— Мы периодически пытаемся сделать более современные храмы. В том храме в Петербурге, который вызвал резонанс, есть признаки современности. Он абсолютно лишен какого-либо декора — закомарок, пилястрочек и всего прочего. Простота и лаконичность, на мой взгляд, — один из признаков современной архитектуры. У него даже сводов нет, купол покоится на арках, такое вот, мной придуманное, современное решение.

Или пока нереализованный проект скита Валаамского монастыря, который должен быть расположен на юге. Здесь совмещены в одном здании храм, кельи, трапезная.

Поскольку скит будет на юге, возникла идея внутреннего дворика, крытая от солнца галерея. И в то же время здесь звучит северный мотив — щипцовая кровля, затем — прямоскатная, отсылающая к карельскому северному дому. То есть здесь мотив традиционной архитектуры и в то же время это абсолютно современная архитектура.

— Как творить новое, если большинство заказчиков хотят как всегда, как у всех?

— Попытка сделать что-то современное, творческое возможно только в случае, если заказчиком будет какой-то либо очень прогрессивный настоятель или архиерей, как епископ Панкратий, наместник Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Второй путь — частный заказ. У нас сейчас есть частные заказы на территории России, когда заказчик выкупает землю, полностью на свои деньги строит храм, он может категорически сказать: «Я строю именно так или не строю вообще никак». Недавно как раз был такой случай, когда заказчик настоял, что будем выполнять его заказ мы, с другими он просто ничего строить не будет.

Творчество и авторство никого не интересуют

— Какие основные проблемы в современном храмостроительстве вы видите?

— Самое главное — это вопиющий непрофессионализм некоторых участников процесса. Заказчики, не только священники, но и зачастую попечители, считают что лучше найти знакомого архитектора, желательно, чтоб он сделал бесплатно, и все, вообще никаких проблем.

В каждом регионе страны надо формировать профессиональные команды, в которых храм мыслится так же, как воспринимаем его мы – единым целым – с точки зрения смыслов, художественной выразительности и так далее. Но, для этого должно быть движение со стороны заказчика, со стороны Церкви.

Я состою в рабочей группе экспертного совета по церковному зодчеству и реставрации при Патриархии. И вижу, какие нам, членам этой группы присылают проекты для рецензии. Иногда это просто катастрофа. Люди просто не понимают, что они проектируют. Для чего каждый раз нужно объяснять архитектору, что такое Престол, как организован храм, что такое представление о формировании литургического пространства?!

Еще момент – я слышал на заседании комиссии: «Вот мы так-то и так-то строим храм, такую крышу, такую кровлю. А потом наша миссия заканчивается, приходят художники».

Но вот это и есть непрофессионализм: неумение взглянуть на храм как на единое целое.

Причем именно в этом случае возможна и импровизация — мы во время строительства иногда принимаем кардинально другие решения: по материалам, по отделкам, даже иногда по планировкам в меру допустимых возможностей.

— То, что сделанное художником сбивают, закрашивают – это, увы, не уникальное явление. Как можно обезопасить работу? Как сделать, чтобы мнение художника ценилось?

— Да, это мы все проходили с мозаиками Александра Корноухова, которые пытались сбить, с росписями Ирины Зарон, которые были под угрозой уничтожения, да и сейчас они не в открытом доступе. Сейчас развивается история с росписями Самсона Марзоева в соборе святого Георгия, Владикавказ, которым грозит уничтожение.

Но как защитить художников и их произведения – я не знаю.

Законодательно это никак не закреплено, поэтому чаще кто платит, тот и музыку заказывает. Поэтому тут художник не защищен, и архитектор, кстати, тоже не защищен, хотя есть законы об авторском праве. Дело в том, что никто всерьез не воспринимает никакого творчества, никакого авторства. Это вообще мало кого интересует.

Хотя последние пять лет из-за того, что мы жестко держимся концепций комплексного строительства и не беремся за что-то отдельное, к нам стали приходиться заказчики, которые хотят не просто получить среднестатистический храм, а уникальную вещь. У нас нет типовых проектов. Нельзя подходить к храму с точки зрения типовых проектов, как это было, кстати, в Москве. Но в Патриархии нашли в себе силы признать такой подход неверным, и это очень ценно.

То есть, нужно выращивать профессиональные сообщества, и тогда, мне кажется, все сложится. Было бы идеально со стороны заказчиков (Церкви, попечителей) участвовать в формировании профессионального сообщества, предоставляя заказы специалистам, доверять им, прислушиваться... А нам увлекать заказчиков в процесс проектирования, показывать им красоту и разнообразие многовекового церковного искусства, которое на протяжении своей истории всегда находилось в живом развитии.

<https://www.pravmir.ru>